

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Брат мой... Василий Макарович Шукшин

В путанице ферм, кранов и тросов большой стройки девушка-почтальон нашла бригадира Ивана Громова. Иван, задрав голову, кричал кому-то:

– Смотреть надо, а не ворон считать!

Сверху что-то отвечали.

– Слезь у меня, слезь... Я тут с тобой потолкую! – проворчал Иван.

– Вы Громов?

– А?

– Громов Иван Николаич?

– Ну.

– Телеграмма...

Иван взял телеграмму, прочитал... Посмотрел на девушку, сел на груду кирпичей, вытер рукавом лоб. (Девушка, видно, знает содержание телеграммы, понимающе смотрит на бригадира, ждет с карандашом и квитанцией, где Иван должен расписаться.) Иван еще раз прочитал телеграмму... Склонил голову на руки.

Подошли двое рабочих из бригады.

– Что, Иван?

– Отец помирает, – сказал Иван, не поднимая головы.

– Распишитесь, – попросила девушка.

– А?

– За телеграмму...

Иван машинально чиркнул, куда ему показали. Девушка ушла.

– Наука. – Один из рабочих взял телеграмму; прочитал.

– Семен-то... кто это?

– Брат.

– Нда...

Подошли еще рабочие.

– Что?

– Отец у Ивана помирает.

...Взвыл с надсадной тоской паровоз.

Иван в тамбуре вагона. Курит. Смотрит в окно.

...Сеня Громов, маленький, худой парень, сидел один в пустой избе, грустно и растерянно смотрел перед собой. Еще недавно на столе стоял гроб. Потом была печальная застольца... Повздыхали. Утешили как могли. Выпили за упокой души Громова Николая Сергеевича... И разошлись. Сеня остался один.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
...Вошел Иван.

Сеня, увидев его, скривил рот, заморгал, поднялся навстречу...

– Все уж... отнесли.

Иван обнял щуплого Сеню, неумело приласкал. Тот, уткнувшись в грудь старшего брата, молча плакал, хотел остановиться и не мог... Досадливо морщился, вытирая рукавом глаза.

– Ладно, перестань. Ладно, Сеня...

– Он все ждал... кхэх... На дверь все смотрел...

– Ладно, Сеня.

Братья не были похожи. Сеня – поджарый, вихрастый, обычно непоседа и говорун – выглядел сейчас много моложе своих двадцати пяти лет. Ивану – за тридцать, среднего роста, но широк и надежен в плечах, с открытым крепким лицом, взгляд спокойный, твердый, несколько угрюмый...

– Ладно, Сеня, ничего не сделаешь.

Сеня высморкался, вытер слезы, пошел к столу.

Иван огляделся.

– Что же один-то?

– А кому тут?.. Были. Посидели маленько, помянули и ушли. Вечером тетка Анисья придет, приберется.

Иван закурил, присел к столу, отодвинул локтем тарелку с кутьей. Еще раз оглянулся.

Сеня тоже сел.

– Поглядел бы, какой он сделался последнее время – аж просвечивал. Килограмм двадцать, наверно, осталось... А до конца в памяти был.

Иван глубоко затянулся сигаретой.

– Может, поешь с дороги?

– Пошли на могилу сходим.

Когда вышли из ограды, Иван оглянулся на родительскую избу. Она потемнела, слегка присела на один угол... Как будто и ее придавило горе. Скорбно смотрели в улицу два маленьких оконца... Тот, кто когда-то срубил ее, ушел из нее навсегда.

– Завалится скоро, – сказал Сеня, догадавшись, о чем думает брат. – Перебрать бы – никак руки не доходят.

– Тут, я погляжу, все-то не лучше.

– А кому строиться-то? Разъехались строители... города строить.

Некоторое время шли молча.

– Почему так пусто в деревне-то? – спросил Иван. – Как Мамай прошел.

– Я ж тебе говорю...

– Да ну, все, что ли, разъехались?

– Много. А кто есть – все на уборке.

– У вас совхоз, что ли?

– Теперь совхоз... Отделение, а центральная усадьба в Завьялове. Когда колхоз был, поживее было. И район был в Завьялове – рядом совсем.

– А сейчас где?

– В Березовском.

– А ты шоferишь все?

– Шоферю. У нас в отделении шесть машин, я – главный.

– Механик, что ли?

– Старший шофер, какой механик.

Пришли на кладбище.

Остановились над свежей могилой, обнажили головы... Мир и покой царства мертвых, нездешняя какая-то тишина кладбища, руки-кресты, безмолвно воздетые к небу в неведомой мольбе, – все это действует на живых извечно одинаково: больно.

Иван стиснул зубы, стараясь побороть подступившие к горлу слезы. Сеня шаркнул ладонью по глазам.

– Давай помянем, – сказал он.

Он, оказывается, прихватил бутылку красного вина и рюмку. Налил брату...

Иван выпил... Помолчал. Склонился, взял горсть влажной земли с могилы, размял в руке, сказал:

– Прости, отец.

– Уберемся с хлебом – оградку сделаю, – пообещал Сеня. – И березу посажу.

Налил себе, тоже выпил.

– Пошли, Сеня. Тяжело. Хоть по деревне пройдемся.

Обратно шли медленно.

– У тебя в семье-то все хорошо? – расспрашивал Сеня.

– Нету семьи, – неохотно ответил Иван. – Разошлись.

– Почему?

– Потом...

Сеня качнулся головой, но больше об этом говорить не решился.

– Поживешь здесь хоть маленько-то?

– Некогда, Сеня.

– Поживи, братка. А то мне одному... Хоть с недельку. А?

Иван переменил тему разговора:

– Ты-то почему не женишься?

Сеня горестно оживился.

– Женись... когда они, паразитки, не хотят за меня. У меня душа кипит, – он стукнул себя в грудь сухим крепким кулачком, – а им – хаханьки. Пулей прозвали – и довольны. А я просто энергичный. И не виноват, что не могу на месте усидеть. Вон она – недалеко живет, Валька-то Ковалева... Помнишь, нет?

– Ефима Ковалева?

– Но.

– Так она же вот такая была...

– А счас под потолок вымахала. Вот люблю ее, как эту... как не знаю... Прямо задушил бы, гадину! – Сеня говорил скоро, беспрестанно размахивая руками. – Но я ее допеку, душа с меня вон.

– Красивая девка?

– На тридцать семь сантиметров выше меня. Вот здесь – во, полна пазуха! Глаза горят, вся гладкая... Я как увижу, так полдня хвораю.

– Выбрал бы поменьше. Куда она тебе такая?

– Тут на принцип дело пошло. Вот тут оглобля одна рядом поселилась, на сорок три сантиметра выше меня...

– Кто?

– Ты не знаешь, они с Украины приехали. Мицко. Он тоже в нее втюрился. Так тот хочет измором взять. Как увидит, что я к ней пошел, надевает, бандеровец, бостоновый костюм, приходит и сидит. Веришь – нет, может два часа сидеть и ни слова не скажет. Сидит и все – специально мешает мне. Мне уж давно надо от слов к делу переходить, а он сидит.

– Поговорил бы с ним.

– Говорил! Он только мычит. Я говорю: если ты – бык, оглобля, верста коломенская, так в этом все? Тут вот что требуется! – Сеня постучал себе по лбу.

– Я говорю, я – талантливый человек, могу сутки подряд говорить, и то у меня ничего не получается. Куда ты лезешь? Ничего не понимает!

Иван узнавал младшего брата. Как только не называли его в деревне: «пулемет», «трещотка», «сорока на колу», «корсак» – все подходило Сене, все он оправдывал. Но сейчас ему действительно, видно, горько было. Взъерошенный, курносый, со сверкающими круглыми глазками, он смахивал на подстреленного воробья (Сеня слегка прихрамывал), возбужденно крутил головой; показывал руками, какого роста «оглобля» Валька Ковалева и как много у нее всего.

– А она?

– Что?..

– Она-то как к нему?

– Она не переваривает его! Но он упрямый, хохол. Я опасаюсь, что он – сидит и чего-нибудь высидит. Парней-то в деревне – я... да еще несколько.

– Трепешься много, Сеня, поэтому к тебе серьезно не относятся.

– А что же мне остается делать? – остановился Сеня. – Что я, витязь в тигровой шкуре? Мне больше нечем брать. – Сеня вдруг внимательно посмотрел на брата. – Пойдем сейчас к ней, а?

– Зачем?

– Ты объяснишь ей, что внешность – это нуль! Ты сумеешь, она послушает тебя. Ты ей докажи, что главное – это внутреннее содержание. А форма – это вон, оглобля. Пойдем, братка. Ты хоть поглядишь на нее. Я ведь весь уж высох из-за нее. А ей хоть бы что! Я сохну, а она поперек себя шире делается. Это не девка, а Малахов курган какой-то...

– Ты не захмелел?

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да ничего! Что я? Я редко пью. Это счас уже... Пойдем.

– Ну пошли.

Уже вечерело. На улице появились люди – шли с работы. Возле соседнего с домом Ковалевых двора Сеня остановился, спросил белоголового карапуза, который таскал на веревочке грузовик и гудел:

– Жираф дома?

– Ой, – сказал карапуз, – он тебя мизинчиком поднимет.

– Скажи ему, чтоб он вышел. Иди, скажи. А я тебе завтра петушка привезу.

– Не обманешь?

– Нет. Счас посмотришь эту оглоблю. Иди, Васька, скажи: пошли, мол, крепость брать.

Карапуз побежал в дом.

– Зачем ты? – спросил Иван.

– Счас увидишь...

– Ко-олька, иди клепость блать, Сенька-пуля зовет! – закричал еще на крыльце карапуз.

– Пойдем, ни к чему это, – опять сказал Иван.

– Подожди, подожди... Счас увидишь...

На крыльце из дома вышел огромный парень, еще в рабочей одежде.

– Здорово, Микола! – вежливо поприветствовал Сеня. – Иди познакомься с братом.

Микола вытер тряпкой грязные огромные ладони, подошел к воротцам, протянул Ивану руку.

– Микола.

– Иван.

– Костюм погладил? – спросил Сеня.

– Он у меня всегда глаженный, – ответствовал Микола, не удостоив взглядом Сеню.

– Все, Микола. – Сеня высморкался на дорогу. – Больше он тебе не понадобится: идем договариваться насчет свадьбы.

Простодушный Микола беспокойно и вопросительно посмотрел на Ивана. Иван, чтоб скрыть неловкость, стал закуривать.

– Мели, Емеля... – сказал Микола.

– В общем, мы пошли. – Сеня первый деловито пошагал к дому Ковалевых.

...Валя только пришла с работы, умывалась во дворе под рукомойником. Увидев входящих Ивана и Сеню, ойкнула и, накинув полотенце, побежала в дом.

– Куда вы?! я же без кофты!

– Видал? – спросил Сеня, грустно глядя вслед девушки.

– Это Валька? – удивился Иван.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Она.
- Ну, Сеня... тут, по-моему, тебе нечего делать. Господи, растут-то как!..
- Пошли в дом.
- Она же не одетая.
- Она в горнице, а мы пока в прихожей посидим.

Ковалевы – отец, мать, молодая женщина с ребенком (невестка), младшая сестра Вали, школьница, тоже не по годам рослая, очень похожая на нее, – ужинали. Поздоровались.

- Подсаживайтесь с нами, – пригласил хозяин.
- Спасибо, мы только из-за стола.

Братья присели на лавку у порога. Ели хозяева молча, с крестьянской сосредоточенностью. Натруженные за день руки аккуратно, неторопливо носили из общей большой чашки наваристую похлебку. Один хозяин позволил себе поговорить во время еды.

- Не захватил отца-то, Иван.
- Нет.
- Что же, долго ехать шибко?
- Четверо суток почти.

Хозяин качнул головой.

- Эка... занесло тебя.

Из горницы выглянула Валя.

- Заходите.

Сеня с готовностью поднялся, ушел в горницу, Иван остался поговорить с хозяином.

- Где робишь там?
- На стройке.
- Ничто получаешь-то, хорошо?
- Да ничего, хватает. А Петро-то ваш где?
- А тоже вроде твоего, в город подался, судьбу искать. Вы ить какие нонче: хочу крестьянствую, хочу хвост дудкой и... Наоставляют вот, с такими, горя мало. – Старик кивнул в сторону невестки.
- Да уеду я, уеду, Господи! – в сердцах сказала та. – Устроится он там маленько – уеду, лишнего куска не съем.
- Мне куска не жалко, – все так же спокойно, ровно продолжал старик. – Меня вот на их зло берет. – Он посмотрел на Ивана. – Уехать – дело нехитрое. А на кого землю-то оставили? Они уехали, ты уедешь, эти (в сторону младшей дочери) тоже уедут – им надо нивирситеты кончать. Кто же тут-то останется? Вот такие, как мы со старухой? А нам веку осталось – год да ишо неделя. Вон он, Сергеич-то... раз-два и сковырнулся. Так и все уйдем помаленьку. Что же тогда будет-то?

Из горницы выглянул Сеня.

- Иван, зайди к нам.

Иван бросил окурок в шайку, пошел в горницу. Слова старика нежданно вызвали в

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
нем чувство вины; когда шел по улице и поразился пустотой в деревне, почему-то
не подумал о себе.

Сеня ходил по горнице, засунув руки в карманы брюк. видно, он только что что-то
горячо доказывал.

– Здравствуй, Валя.

– Здравствуйте. – Навстречу Ивану поднялась рослая, крепкая, действительно очень
красивая девушка. Круглица, с большими серыми глазами... Высокую грудь тело
облегала белая простенькая кофта. Здоровье, сила чувствовались в каждом ее
движении, в повороте опрятной, гладко причесанной головы, во взгляде даже.

– Валя!.. – невольно сказал Иван, пожимая ей руку. – Ты когда успела так
вырасти?

– Годы, Иван... Вы уж сколько не были дома-то?

– Да ну, сколько?.. Ну, может, много. Только ты все равно не «выкай», я не
привык как-то. Ты... ну Валя, Валя...

Валя засмеялась довольная.

– Что «Валя»?

– Красавица ты прямо.

– Да ну уж...

– Вот так мы ее тут и испортили, – встярал Сеня. – Каждый, кто увидит:
«Красавица! Красавица!» А ей на руку.

– Сеня, ты же первый так начал, – с улыбкой сказала Валя.

– Когда?

– Когда из армии-то пришел. Ты что, забыл?

– Так то я один, а то вся деревня, языки вот такие распустили...

– Нет, Сеня, тут распускай, не распускай, а факт остается фактом. – Иван сел на
стул. – Как живешь-то, Валя?

– Хорошо. – Валя внимательно посмотрела на Ивана, усмехнулась. – Надолго к нам?

– Да не знаю, – неопределенно ответил Иван. Вспомнились слова старика Ковалева,
и он невольно опять подумал о них. – Курить здесь можно?

– Пожалуйста. Я сейчас принесу чего-нибудь... – Валя вышла из горницы.

– Видал, что делается? – спросил Сеня.

– Видал. Неважные твои дела.

– Просто пройдет по горнице, а у меня вот здесь, как ножами... Видал, как счас
прошла?

Иван не успел ответить. Вошла Валя, поставила на стол блюдце.

– Вот сюда пепел.

– Ты вот послушай его, если мне не веришь. Он больше нашего повидал, – начал
Сеня.

– Ну? – Валя опять весело посмотрела на Ивана.

– Как было при царизме? – рассуждал Сеня.

– Как? – спросила Валя.

– Ручной труд. Эксплуатация человека человеком. – Сеня не мог сидеть, когда говорил. – Тогда, конечно, надо было, чтобы мужик был здоровый. Кого лучше эксплуатировать? Миколу или меня? Миколу. На него можно два куля навалить, и он понесет. Со мной хуже: где сядешь, там и слезешь. Теперь: наше время – атомный век. Спрашивается, для чего мне надо расти с колокольню? Я нажимаю стартер, завожу машину и везу три тонны. Сейчас даже модно маленьkim быть. Японцы, например, все маленькие, и ведь живут – ничего! У нас же как вымахает какая-нибудь жердь – так все рады-радешеньки, без ума прямо! – Сеня не на шутку расходился. – Вырос детинушка. Ладно, он, допустим, один восемьдесят. А вот этот фактор у него работает? – Сеня постучал себя по лбу.

– Пулемет ты, Сеня, – сказала Валя. – Наговорил сорок бочек... Ну, к чему ты все? Ведь по твоей теории выходит, что я... какая же я модная?

– Я про мужиков говорю.

– Так если мужикам не надо быть здоровыми, то уж бабам-то и подавно. А я вон какая...

Иван засмотрелся на девушку. Валя перехватила его взгляд, усмехнулась и покраснела.

– Куда же мне деваться-то такой? – спросила обоих. – Эксплуатации нет, кули не надо таскать. Что же мне, закрывать глаза да головой в прорубь?

Сеня беспомощно, с надеждой посмотрел на старшего брата. Тот пожал плечами.

– Иван, хорошо в городе? – спросила Валя, как-то излишне пристально глядя на него. Ей хотелось говорить с ним.

– По-разному, Валя. Как везде.

– Ну, с нами-то не сравнишь.

– Сами виноваты! – опять встярал Сеня. – Умоляют людей: записывайтесь в самодеятельность – нет, понимаешь...

– Пошли вы со своей самодеятельностью! Что я, дура, что ли, вылезу на сцену ногами дрыгать. Я ее проломлю там у них.

– Ты можешь любую роль играть, не обязательно ногами дрыгать. Дрыгают в танцевальном кружке, а есть – драматический.

В дверь горница постучали.

– Внимание. – Сеня поднял палец кверху. – Счас будет – акт!

– Да, – сказала Валя.

Вошел Микола в бостоновом костюме.

– Здрассте.

– Здравствуй, Коля. Садись.

Микола сел на стул, поддернул на коленях наглаженные брюки. Видно, что это его привычная поза.

– Рассказал бы нам чего-нибудь про город, Иван, – попросила Валя серьезно. – Как там живут?

– Живут... Лучше расскажите, как вы живете? Мне тоже интересно.

– Микола, расскажи, – попросил Сеня.

– На провокации не идем, – ответствовал Микола.

– Иной раз посмотришь в кино, душа заболит, – заговорила Валя. – Вот, думаешь, живут люди! Все нарядные ходят, чистенькие... В комнатах все блестит, все под руками... Господи. Правда, что ли, так живут? – Валя смотрела на Ивана. Сеня и Микола тоже смотрели на него. Ждали.

Иван долго молчал, задумчиво глядя на кончик сигареты. Опять некстати припомнились слова старика. Поднял голову, увидел, что его с интересом ждут, усмехнулся.

– Я вам не скажу за всю Одессу... По-разному живут, ребята. Бывает, как в кино, бывает, похуже. Мне вот ночами часто деревня снится. Покос... Изба родительская. А давеча глянул на нее – и больно стало: то ли она постарела, то ли я...

– Ну вот у тебя сколько комнат в квартире? – Сене неприятно было упоминать об избе: его совести дело, что она заваливается, так он чувствовал. – Комнаты три?

– Перестань, Сеня. Что вы взялись допрашивать меня?

– Кого же нам допрашивать больше? – спросила Валя. – Друг друга, что ли?.. Мы и так все знаем.

– Мне расскажите.

– Я могу за всех ответить: середка на половинке живем, – сказал Сеня.

– Скучновато живем, – добавила Валя.

– Выходи за Миколу, – посоветовал Сеня, – каждый день будешь со смеху умирать.

Микола спокойно посмотрел на Сеню, хотел что-то сказать, но решил, видно, не стоит.

– Замуж надо, действительно, – согласился Иван.

– Замуж – не напасть... – непонятно сказала Валя. И, глядя на Ивана, спросила прямо: – А за кого замуж-то? Сене не подхожу – высокая, говорит, Микола – молчит. Не станешь же сама навязываться.

Обоих женихов слова эти ударили по сердцу.

– Минуточку!.. – взвился Сеня...

Микола пошевелился на стуле, так что стул угрожающе скрипнул.

– Легкая провокация.

Валя запрокинула назад голову, громко, искренне расхохоталась. Все трое невольно засмотрелись на девушку, открыто любуясь ею.

– Все хаханьки, – заметил Сеня.

Микола пожирал Валю влюбленными глазами.

Иван смотрел внимательно, несколько удивленно.

Валя досмеялась до слез, вытерла воротничком кофты глаза, сказала:

– Не обижайтесь, ребята. Меня что-то смех разобрал. Бывает...

– Ну что, Сеня?.. Пойдем? – Иван поднялся.

– Посидите, – с просительной ноткой в голосе сказала Валя, глядя на Ивана. И такой это был взгляд – необычный, что Микола, например, обратил на него внимание.

– Устал я, Валя. Вы сидите, а я пойду прилягу немного.

- Ну уж...
- Правда. До свиданья.

Сеня посмотрел на Миколу. Микола – на Сеню... Оба остались сидеть. Валя встала и пошла провожать Ивана.

- У нас в сенцах темно...

В прихожей отужинали.

Младшей дочери не было дома.

Невестка переодевала для сна девочку. Хозяйка убирала со стола. Стариk рубил у порога табак в корытце. Иван остановился около него.

- Самосад?..
- Он самый. Какой-то не крепкий нонче уродился. Листовухи добавлю – все слабый.
- Иван присел на корточки.
- Дай-ка попробую... давно не курил.
- Спробуй, спробуй.

Валя стояла рядом, смотрела сверху на Ивана.

- Валька, ужинать-то... простынет все, – сказала мать.
- Потом, – откликнулась Валя.

Дед с Иваном закурили.

- Как?
- Хорош!
- Донничка ишо потом добавлю – ничего будет.
- Ну, бывайте здоровы.
- МГМ.

Иван с Валей вышли в темные сени.

- Давай руку, – сказала Валя. – А то тут лоб разбить можно. Вот здесь ступенька будет.
- Где?.. Ага, вот она.
- Вот... теперь ровно.

Остановились. Плавал в темноте огонек Ивановой папирочки.

Некоторое время молчали.

- Ну, иди, а то там женихи-то... скучают.
- Пусть маленько поскучают.
- Сенька-то правда любит, Валя.
- Я знаю. И Микола тоже.
- Ну?..
- А я не люблю.

Молчание.

- Что делать? – спросила Валя.
- Что делать... На нет – спроса нет. Обидно, конечно, за брата... Но этому горю не поможешь.
- Нет, а что мне-то делать?
- Валя!.. Ты уж сама большая – смотри.
- А я любить хочу.
- Пора.
- А почему ты с женой разошелся?
- Кто тебе сказал?
- Сеня.
- Во звонарь-то... успел уж.
- Почему?
- Сложно это, Валя...
- Разлюбил? Или она тебя?
- Иди к женихам-то.
- Сколько поживешь у нас?
- Не знаю... Побуду пока. Сеньке тяжело одному... Он хоть тараторит, крепится, а душонка болит...

Между тем в горнице происходил такой разговор:

- Тебе надо громоотводом работать, – советовал Сеня.
- А тебе – комиком, – невозмутимо отвечал Микола.
- Ты хоть знаешь, сколько комики получают? – снисходительно спросил Сеня.
- По зубам в основном. За провокации.
- Комики даже лауреаты есть, комики есть депутаты Верховного Совета. Вы ж не понимаете ничего...
- А с какого этажа их спускают оттуда?
- Кого?
- Комиков.
- Я – комик? Ладно. Вот она счас придет, я буду молчать. Ты ж за счет меня только держишься, потому что я говорю, а тебе молчать можно. А счас я буду молчать. Посмотрю, что ты будешь делать. Проведем такой опыт.

Микола молчал.

- Много вывезли сегодня? – спросил Сеня.
- Двенадцать ездок. Потом сразу два комбайна стали. Пока возились – стемнело.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Сделали?

– Один. Ты ничего не заметил своим фактором?

– Чего заметил?

– Так. – Микола, видно, заметил какую-то перемену в Вале.

– Чего заметил-то?

Молчание.

– Ладно, счас я тоже буду молчать.

– Зря, – сказал Микола.

– Чего я не заметил?

Молчание.

– Все. Молчу и смеюсь внутренним смехом.

Вошла Валя. Села на кровать.

– Ну, что будем делать?

Молчание. Долгое.

– Вы что, поругались, что ли?

Молчание.

– Сень?

Молчание.

– Коля?

Молчание.

– Что случилось-то?

– Провоцируют, – пояснил Микола.

– Кто провоцирует?

– Вон... – Микола кивнул на Сеню.

– Я провожу опыт, – кратко сказал Сеня.

– Какой опыт?

Сеня сделал знак рукой.

Долго молчали все трое.

– Да ну вас! – рассердилась Валя. – Сидят, как два сыча.

Молчание.

– Тогда я ложусь спать.

– Сенька, брось, – взъярился Микола.

Сеня замотал головой – нет.

А Иван пошел к другу детства Девятову Василию.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Пришел, а у девятовых – дым коромыслом: Василий спорил с женой, как назвать
новорожденного сына.

– Ванька!.. – кричала жена Настя. – Где это ты их видел нынче, Ванек-то?! Они
только в сказках остались – Вани-дурачки. Умру, не дам Ванькой назвать.

– Сама ты дура, – тоже резко говорил Василий. – Сейчас в этом деле назад
поворнули, к старому. Посмотри в городах...

– На черта он мне сдался, твой город! Там с ума начнут сходить и ты за ними? Я
своим умом живу...

– Да сын-то мой! – заорал Василий. Он был в рабочей одежде – заехал на время
домой; у ворот стояла его машина. – Или чей?

– А мне он кто?!

Супруги так увлеклись важным спором, что сперва даже не заметили гостя.

– Можно к вам? – спросил Иван.

– О! – удивился Василий. – Иван! Заходи.

Поздоровались.

– Что за шум, а драки нет?

– А вон – сына не дает Ванькой назвать.

– И не дам, – стояла на своем Настя.

– А как ты хочешь? – спросил ее Иван.

– Валериком.

– Иваны, говорит, одни дураки остались, в сказках. Много ты понимаешь! Спроси
вот у него, как в городе...

– Мне ваш город не указ.

Иван заглянул в кроватку к младенцу.

– Лежит... А тут из-за него целая война идет. А чего ты, Настя, Иванов-то списала
со счета? – спросил он Настю. – Не рано?

– Не рано.

– Зря. Иваны еще сгодятся.

– Вот кому сгодятся, тот пускай с ними и живет, а мы будем жить с Валериком.
Правда, сынок? – Мать подошла тоже к кроватке, склонилась над сыном. – Уйти,
мой маленький, мой холесенький... Иваном. Еще чего!

– Ну, Валерик – это тоже не подарок, – заметил Иван, отходя от кроватки.

– Да плохо просто! – загорячился опять Василий. – Чем нехорошо – Иван
Васильевич?.. Царь был Иван Васильевич...

– У нас счас, скажи, царей нету, – тютошкадась мать с младенцем. – Нету, скажи,
царей, нечего на них и оглядываться.

– Ну что ты будешь делать? – с отчаянием сказал Василий. – Ну, е-мое, Валериком
он тоже не будет, это я тебе тоже не дам. Как недоносок какой – Валерик... Он
должен быть мужиком, а не...

– Будет Валериком.

– Нет, не будет!

- Нет, будет!
- Назовите в честь деда какого-нибудь, - посоветовал Иван. - В честь твоего отца или твоего.
- Да они обой - Иваны! - воскликнул Василий. - В том-то и дело!

Домой Микола пришел мрачный и решительный.

- Ты чего такой? - спросил отец.

Микола сел к столу, положил подбородок на кулаки, задумался.

- А?

- Так.

Отец готовился спать. Сидел на кровати в нижней рубахе, в галифе, босиком. Шевелил пальцами ног.

На печке лежал хворый дед Северьян.

До прихода Миколы они разговаривали и теперь вернулись к разговору.

- Он, старики-то, говорит: мы, говорит, пахали их, те поля. Приехали, обрадовались - землищи-то! И давай. Ну, год, два, три - пашем. Глядим, а песок-то с той стороны все ближе да ближе к нам. Нам, говорит, тогда старики и советуют: «Пусть эта земля лучше залежью будет, лучше поурежьте свои пашни, которые к северу, а эти не трожьте. Бросьте эти поля пахать, не трогайте». Собрались, говорит, мы миром и порешили: не пахать к югу от Сагырлака. И верно: остановился песок. Трава-то его держать стала. А счас опять все распахали... И уж заметно, как сохнет к северу. Еще вот лет пять попашем - и сгубим пашню. Тогда и удобрениями ничего не сделаешь - сожгем только землю...

- Сказали бы начальству.

- А то не говорили! Доказывали: никакая это не целина, это залежь, специально которую не трогали, чтобы пески держать с юга. Ну, рази ж послушают!..

- Тять, я жениться надумал, - сказал Микола.

- Эка!.. - удивился отец. - Кого же брать хочешь?

- Вальку Ковалеву, - негромко ответил Микола.

Отец кивнул головой: слышал кое-что.

- Ты говорил с ней насчет этого?

- Та-а... - Микола мучительно сморщился. - Нет.

- Я сватать не пойду, - твердо заявил отец.

- Почему?

- Не хочу позора на старости лет. Знаю я такое сватовство: придешь, а девка ни сном ни духом не ведает. Сперва договорись с ней, как все люди делают, тогда пойду. А то... ты вечно, Микола... - все за тебя отец. Прогонят, потом житья в деревне не будет, бежать от стыда придется.

- Ну, ты тоже принц выискался: сватать он не пойдет, - сердито сказал дед Северьян. - Ты забыл, Тимоха, как я за тебя невесту ходил провожать? Забыл?

Тимофей недовольно нахмурился.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Ведь не пойдет она за него. Слышал я – бабенки трепались – не глянется он ей.
- Пойдет! – сказал дед. – За такого парня!.. Чего ей еще надо?
- Почему ты думаешь, что не пойдет? – спросил Микола.
- Это уж тебе лучше знать. Хоть бы поговорил с девкой!..
- Пойдем, тять. Я один не сумею.
- Счас, что ли? – испугался отец.
- Счас.
- Ты что, опупел?
- Надо... А то поздно будет. Прошу тебя, один раз в жизни сделай...
- Тимоха, помоги парню.
- Да почему счас-то? Кто так делает?..
- А то поздно будет. Фактор один появился... поздно будет.
- Какой фактор?
- Ну... поздно будет. Ее спровоцируют.
- Тимоха...
- Да ну вас к черту, вы что, на самом деле! Ночь-полночь – сваты заявились. Завтра хохотать все будут.
- Вот как раз счас самое время идти, – рассуждал дед с печки. – Никто не увидит. Откажут, никто знать не будет.

Тимофей вздохнул, задумался.

- Какой фактор-то? – спросил он сына. – Сенька, что ли?
- Нет.
- Собирайтесь и идите, а то спать лягут люди. Ничего с тобой, Тимоха, не случится – сходишь, не похудеешь. Сделай одолжение парню. А девка правда хорошая – на ней пахать можно.
- Пойдем, тять.
- Язви вас в душу!.. Может, с матерью сходишь? Она счас придет...
- Та-а...
- Чего она, мать?.. Баба есть баба. Иди, Тимоха. Вишь, загорелось парню: значит, надо. Раз какой-то хвактор появился, не надо тянуть. Они нонче такие: не успеешь глазом моргнуть – поздно будет. Опередить надо.

Отец снял грязные галифе, нашел в сундуке новые брюки, надел и, болезненно сморщившись, долго ловил негнувшимися темными пальцами маленькую скользкую пуговицу на ширинке.

- Тц... сердце мое чует – на радость зубоскалам идем. Ни хрена из этого сватовства не выйдет. Подождем хоть дня-то?
- Днем хуже.
- Какая тебе разница, Тимофей?
- Вот сошьют, оглоеды!.. Не лезет, хоть матушку-репку пой.

- Чего там?
- Пуговица не лезет, мать ее...
- Подрежь ножницами петельку-то, - посоветовал дед.

Микола пригладил жесткие волосы. Долго стоял перед зеркалом.

- Чего бы сделать над собой? - спросил он деда.

Дед подумал.

- Ничего, иди так. И так хорошо. Главное, смейся там побольше. Смешно, не смешно ты: «Ха-ха-ха-ха...» девкам это тянетсѧ. Был бы я не хворый, пошел бы с вами.
- Пол-литра-то братъ, что ли? - спросил Тимофея отца.
- Возьмите в карман, - сказал дед. - Понадобится - она при себе. Не робейте, главное. Ты, Тимоха, тоже посмеивайся там поболе. А то ведь придется счас два земледава... слова сказать не сумеете.

Сеня был уже дома, когда пришел Иван.

- Что так скоро? - спросил Иван.
- Я один опыт провел: начал тоже молчать, как Микола. Он меня комиком зовет, а я ему счас доказал.
- Чего доказал?
- Что он без меня совсем пропадет.
- Чем доказал-то?
- Молчал.
- Ну?
- Ну, она нас обоих выгнала.
- Обои вы комики... Как дети, честное слово.
- Нет, пусть он теперь не вякает.
- Что, девок, что ли, не хватает в деревне?
- Они не такие...
- Зря ты, Сенька... Ты же видишь, не любит она тебя.

Сеня - в майке и в длинных трусах - задумался около сундука.

- Видать-то я вижу, братка, - серьезно и грустно сказал он. - А отстать не могу. Умом все понимаю, а вот тут... болит. И ничего не могу сделать. Девки есть... полно. Но все не такие.
- Чем она тебе так уж?..
- Она какая-то надежная. Я бы с ней не пропал. Мне с ней легко как-то. Увижу ее, радуюсь, как дурак. Прямо, как праздник сделается. И вот ты же заметил: я сразу остроумный какой-то становлюсь, жизнерадостный... Счас уж - какое горе, и то... вспомнишь про нее, легче становится. Я бы с ней хорошо прожил.

Иван прилег на кровать. Закурил. Непонятно, то ли слушал брата, то ли думал о чем-то своем.

– А так просто жениться – лишь бы жениться – неохота. Вон ребята женются... Год-два поживут – и уже надоели друг другу. Он норовит, как бы скорей из дома да выпить с дружками, она – ругается. И как скоро ругаться выучиваются! Так поливает, другой старухе не угнаться. Что за жизнь?.. Ни себе, ни людям. Охота не так.

– Всем охота, – сказал Иван. – Не всегда получается. Ты сам крепко виноват: смеются над тобой люди...

– Они ж не со зла.

– Какая разница. Доверчивый ты, душонка добрая и та... вся открытая. А есть любители – кулаком туда ткнуть. Тоже не со зла, а так – от скуки: интересно посмотреть, как скорчишься.

– Да меня вроде ничего... любят.

– Хм...

– Так ведь и я их люблю! Оттого иной раз и выкинешь какую-нибудь штуку, чтобы посмеялись хоть. А то ходят как сонные... Жалко порой делается.

– Мало били... не рассуждал бы так.

– Тебе что, часто попадало?

– Я так, к слову. – Иван поднялся. Прошел к порогу, бросил окурок в шайку. – Это хорошо, что ты парень веселый. Но иногда надо и зубы показать. А то заласкают, как... собаку шалавую, и последний кусок отнимут, и ничего не сделаешь. Пора это понимать, тебе уж, слава Богу, двадцать шестой годик – не ребенок.

Помолчали.

Иван прошелся по избе, остановился у окна.

– Тишина на улице... Ни песен, ни гармошки. Как повымерло все.

– Наработались люди – не до песен.

– Раньше-то что, не работали, что ли?

– Молодежи больше было.

– А где Ванька Свистунов? Тоже уехал?

– Ванька милиционером работает. Участковым. А живет в районе. Хорошо живет, дом недавно себе поставил.

– А Ногайцевы ребята?.. Колька, Петька.

– С Петькой я вместе в армию уходил. Меня-то в первый же год помяло в танке, а он дослужил. Отслужил и завербовался куда-то. Не знаю даже где. А Колька на агронома выучился, тоже в районе живет.

– Ну да-а...

– Да жить можно! – сказал Сеня, словно возражая кому. – От самих себя многое зависит. Бежали-то когда? Когда действительно жрать нечего было. Счас же нет этого. Так уж... разбаловались люди, от крестьянской работы отвыкли. Учиться многие едут. Вот и нет никого. Ужинать будешь?

– А ты?

– Я не хочу что-то.

– Я тоже.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ты где был-то?

– К Ваське девятову заходил. Чего-то мне, Сенька, мысли всякие в башку полезли...
Шел счас дорогой, раздумался...

– Какие мысли?

– Всякие. Нехорошо как-то стало.

– Залезла бы тебе одна мысль в голову – вот было бы дело.

– Какая?

– Остаться здесь. Я не из-за себя, а так... вообще. А чего? Все равно же... семьи там нету...

– А ты сам не подумывал уехать отсюда? – спросил Иван.

– Нет. Я один-то год в армии и то едва прослужил – тянет домой.

– Привык бы. Меня первое время тоже тянуло...

– Сам же говоришь: покос снится.

– Покос снится. Вообще, какой бы сон ни увидел – все я вроде вот в этой избе.

Помолчали.

– Он сколько в больнице лежал?

– Месяц. Потом меня вызвали: вези, говорят, домой.

– Он знал или нет, что у него?..

– Нет. Может, догадывался последнее время. Один раз, недели за полторы, подозревал к себе и говорит: «я знаю, у меня рак». Я успокоил его, бумажки всякие начал совать – вот, мол, гляди, тут написано. Меня в больнице научили. А последние три дня знал, что умирает...

– Что говорил?

– Ничего. Молчал. Тебя ждал...

– Пораньше бы телеграмму-то дал.

– Я думал, поживет еще. Кхах... Не надо про это... Забудешься – вроде ничего, а как... это... Лучше не надо.

– Не буду.

– С семейей-то почему не получилось?

– Та... длинная история. И поганая. Спуталась она там с одним... На работе у себя. Ну ее к... Тоже не хочу об этом.

– Любил?

– Дочь жалко... Иной раз подкатит вот сюда – хоть на стенку лезь.

– Видаешь ее?

– Переехали они... В другом городе. Не надо, Сеня.

Долго молчали.

– Остался бы здесь, правда.

– Давай спать, поздно уже. Тебе ж на работу рано.

Выключили свет, легли.

Но не спалось обоим – лежали с открытыми глазами, думали.

...Утром чуть свет к братьям пришла Валя.

– Поднялись? Здравствуйте! давайте сготовлю вам чего-нибудь... – Сразу в маленькой избе сделалось как будто просторней, светлее, когда появилась она и зазвучал ее молодой, сильный, свежий голос. – Сеня, давай за картошкой!.. Мясо-то есть?

– Господи! – воскликнул Сеня. – Завались! в погребе.

– Давай в погреб! А я пока приберусь маленько, а то заплесневеете тут. Иван, собирай половик, неси на улицу – вытрясем. Шевелитесь, ядрена мать! Мне тоже на работу надо.

Сеня побежал в погреб. Иван неумело – ногой – начал было скатывать половик.

– Да не так, Господи! Руками! Спина, что ли, отвалится – нагнуться-то боишься? Вот так... Неси. Я сейчас выйду. Отвык от деревенской работы?

– Какая это деревенская?..

– Она тут всякая, милок. У нас вон ребята коров доят, ничего.

– Брось ты?

– Чего? Поломались маленько и пошли. Комсомол помог, правда. Еще как доят-то!..

– Руками?

Валя засмеялась.

– Счас аппараты есть. Но и аппарат тоже не ногами управляется. Первое время матерились, а потом ничего... Смешно только смотреть на них. Неси.

Иван взял половик, понес во двор. Валя шла следом. Развернули половик, начали трясти. Сеня вылез из погреба с куском мяса.

– Картошки я начищу.

– Давай.

Мимо ворот по улице прошел на работу Микола. Увидев Валю во дворе Громовых, склонил голову и прибавил шаг.

– Что же не здоровашься, Коль? – крикнула Валя.

Микола буркнул что-то и свернулся в переулок.

Валя посмотрела на Ивана и засмеялась.

– Чего ты?

– Так. Смешишка в рот попала. Держи крепче... Пыли-то! Жени ты его ради Христа, Иван. А то старуха-то измучилась...

– Какая старуха?

– Тетка Анисья-то ваша. Шутка в деле – с конца на конец деревни ходить старой, хозяйствничать тут.

– Он же говорит, в столовой ест.

– Да ест – одно, а прибрать вот, помыть, постирать...

Выскочил Сеня на крыльцо.

– Жарить будем или как?

– Это – как хотите.

– Иван?

– Мне все равно.

– Поджарим.

– Неси, хватит.

Иван свернул половик, и они ушли с Валей в избу.

На крыльце опять вскочил счастливый Сеня... Пробежал по двору, набрал дров, снова исчез в избе.

...А над деревней, над полями вставало солнце... Тихо загорался нежаркий, светлый осенний день. Незримые золотые колокольчики высоко и тонко вызывали прозрачную музыку жизни...

– Хо-о, Валюха!... – Сеня отвалился от стола. – На весь день наелся.

– Едок, – упрекнула Валя. – Съел-то всего ничего. Вот оттого и не вырос – ешь мало.

– Начинается старая песня, – недовольно заметил Сеня. – Шел я лесом-просекой...

– Спасибо, Валя, – сказал Иван.

– На здоровье.

Сеня заторопился на работу.

– Закурим, братка, и я побежал. Надо еще свой «шевролет» собрать. На ходу сыпется, зараза.

Валя принялась убирать со стола. С затаенной надеждой глянула на Ивана.

Сеня прихватил из-под кровати какие-то железки, остановился на пороге.

– Не тоскуй здесь один-то. Хоть, возьми у дяди Ефима ружьишко, перепелов сходи постреляй. Они жирные сейчас. Вечером похлебку заварим. Или порыбачь... Удочки в кладовке, в углу...

– Сеня, – сказал вдруг Иван, – возьми меня с собой.

Валя и Сеня посмотрели на него.

– Зачем? – спросил Сеня.

– Ну... посмотреть поля родные...

Валя усмехнулась и качнула головой.

– Поехали! – сказал довольный Сеня.

...Посреди поля стоят комбайн и грузовик. Неподалеку – «начальственный» «газик». В «газике» директор совхоза. Рядом стоит комбайнер.

Из-под грузовика торчат ноги шоfera.

Сеня с Иваном подлетели на мотоцикле, вздымая за собой вихрь пыли. Сеня издали

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
заорал:

- По пятьдесят восьмой пойдешь! Понял? – Осадил мотоцикл, взял гаечный ключ и пошел к шоферу. Тот торопливо вылез из-под капота. – Развинчивай!
- Сеня...
- Быстро! А то я тебе счас нос отверну и к затылку приставлю.
- Не я же взял-то, разорался.
- А кто взял?
- Вон. – Шофер кивнул в сторону директора. Тот уже шел к ним.
- Здравствуй, Сеня.
- Что же получается: я...
- Подожди, Сеня, я сейчас все объясню. Этот охламон залил в картер грязное масло и побил вал. А так как тебя нет...
- Что, меня век, что ли, не будет?
- Но комбайн-то стоит. А твоя все равно разобрана...
- Ее собрать – полчаса.
- Ну...
- Что же я-то делать буду?!
- Надо достать вал.
- Где? – Сеня подбоченился, склонил голову набок, – Интересуюсь, где? Адрес.
- Чего-нибудь надо придумать, Сеня. Такое положение...

Иван наблюдал эту сцену со стороны.

- Ну тогда я рожу его. – Сеня высморкался на стерню. – Если получится – можно двойняшку.

Шофер, незнакомый Ивану, хмыкнул и сочувственно заметил:

- Трудно тебе придется.
- Чего трудно? – повернулся к нему Сеня.
- Рожать-то. Он же гнусный, спасу нет... – Он кивнул на свой израненный вал, валявшийся тут же.

Сеня пошел на него с ключом. Шофер отскочил.

- Сенька!..
- Ладно, Сеня, брось его, – сказал директор. И прикрикнул на шофера:
- Делай свое дело! Остряк... Ты мне еще за вал выплатишь.

Шофер полез под капот. Директор взял Сеню под руку, отвел в сторону.

- Знаешь, у кого есть валы?
- У Макара?
- У Макара.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Не даст. Вообще, я не хочу иметь с ним ничего общего.
- Хочешь не хочешь, а надо выходить из положения. Я бы сам поехал. Но мне он принципиально не даст. Ты как-нибудь на обаяние возьми его...
- Я его взял вчера на обаяние... Ладно, попробую.
- Попробуй.

Сеня с Иваном уехали.

...Через десять минут они подлетели к правлению колхоза «Пламя коммунизма». Сеня опять высыпался, молодцевато взбежал на крыльце... и встретил в дверях Макара Сударушкина. Тот собирался куда-то уезжать.

- Привет! – воскликнул Сеня. – А я к тебе... С добрым утром! – Сударушкин молча подал руку и подозрительно посмотрел на Сеню.
- Как делишки? Жнем помаленьку? – затараторил Сеня.
- Жнем, – сказал Макар.
- Мы тоже, понимаешь!.. фу-у! дни-то, а?.. Золотые денечки стоят!
- Ты насчет чего? – спросил Сударушкин.
- Насчет коленвала. Подкинь парочку.
- Нету. – Макар легонько отстранил Сеню и пошел с крыльца.
- Слушай, монумент!.. – Сеня пошел за ним следом. – Мы же к коммунизму подходим... Я же на общее дело...

Макар невозмутимо шагал к своей «Волге».

- Дай пару валов!! – рявкнул Сеня.
- Не ори.
- Дай хоть один. Я же отдам... Макар.
- Нету.
- Кулак, – сказал Сеня, останавливаясь. – На критику обиделся?
- Осторожней, – посоветовал Макар, залезая в «Волгу». – Насчет кулаков поосторожней.
- А кто же ты?
- Поехали, – сказал Макар шоферу.

«Волга» плавно тронулась с места.

Сеня завел мотоцикл, догнал «Волгу», крикнул:

- Поехал в райком!.. Жаловаться. Готовь валы! Штук пять!
- Передавай привет в райкоме! – сказал Макар.

Сеня дал газку и обогнал «Волгу».

Когда выехали опять в степь, Иван попросил:

- Завези меня домой, Сеня.
- Чего?

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да... неловко мне как-то: люди делом заняты, а я, как... этот, как тунеядец. Да еще не знаю никого... Сколько много людей новых! Все приезжие, что ли?

– Есть приезжие. А Мишку-то Докучаева ты разве не знал?

– Какого Мишку?

– А шофер-то? Лаялся-то я с которым...

– Это Мишка?!

– Мишка.

– Не узнал. Гляди-ка!.. А директор приезжий?

– Он вообще-то из нашего района. В райкоме раньше работал, попросился в совхоз. Сам попросился. Толковый мужик. А Макар – кулак.

– Ты не боишься так с ними разговаривать-то?

– А чего? – удивился Сеня.

– Да нет, я так... Ссади меня здесь, я пешком пройдусь.

Сеня остановился.

Иван слез и пошел по малой тропинке в деревню.

– Не скучай там! – крикнул Сеня. И газанул – поехал, оставляя за собой пыльный шлейф.

Иван догнал по дороге медленно двигающуюся подводу.

Молодой человек, очень не деревенский на вид, вез на дрожках листовое железо.

– Отца хоронить приезжали? – спросил молодой человек.

– Да, – ответил Иван. – Только не успел.

– Он был безнадежен.

– А вы кто?

– Я здешний доктор. Он у нас лежал.

Иван с удивлением посмотрел на молодого человека – очень уж он не походил на доктора.

– Хороший стариk, – продолжал доктор. – Совестливый. Сам попросился из больницы – неудобно, что за ним ухаживают, судно подкладывают. Не привык, говорит, так. Ну, как там город поживает?

– Поживает... Что ему?

Молодой человек вдруг посмеялся своим мыслям.

– Видите, как у нас: поменялись местами. Я – коренной горожанин.

– Вы, что же, совсем сюда?

– Нет... Не думаю, – честно сказал доктор. – Наверно, как все: отработаю свои три года и поеду в свой город. А вас не тянет сюда?

– Как вам сказать... – замялся Иван.

– Значит, не тянет. – Молодой человек весело посмотрел на Ивана. – «Знать, в далекий тот век жизнь не в радость была, коль бежал человек из родного села». Так раньше певали? Все нормально, все естественно...

– Куда это железо-то?

– Холодильник будем делать. Выроем глубокую землянку, изнутри обощьем деревом и железом... Сам додумался: медикаменты хранить. Едва выбил железо – дошли до личных оскорблений с директором совхоза. Он говорит: буду жаловаться, а я: не буду ваш плеврит лечить. У него, видите ли, плеврит, так вот пусть дальше шагает с ним. Придет на прием, я ему велю клизму поставить... – Доктор весело поглядывал на Ивана.

– Но он же дал. Железо-то. – Иван тоже настроился на веселый лад. Как-то удивительно легко было с доктором.

– Да, но обозвал молокососом.

– А вы его как?

– Я? Я почему-то назвал его веником. Хотя почему веник? Сам не знаю.

Иван засмеялся.

В приемной райкома партии было человека три. Сидели на новеньких стульях с высокими спинками, ждали приема. Курили.

Мягко хлопала дверь кабинета... Выходили то мрачные, то довольные.

Сеня присел рядом с каким-то незнакомым мужчиной, усталого вида. Мужчина держал на коленях большой желтый портфель.

– Вы крайний? – спросил его Сеня.

– Э... кажется, да, – как-то угодливо ответил мужчина.

Сеня тотчас обнаглел.

– Я вперед пойду.

– Почему?

– У меня машина стоит. Так бы я ничего.

– Пожалуйста.

К Сене подсел цыгановатый парень с курчавыми волосами, хлопнул его по колену.

– Здорово, Сеня!

Сеня поморщился, потер колено.

– Что за дурацкая привычка, слушай, руки распускать!

Курчавый хохотнул, встал, поправил ремень гимнастерки. Посмотрел на дверь кабинета.

– Судьба решается, Сеня.

– Все насчет тех тракторов?

– Все насчет тех... я сейчас скажу там несколько слов. – Курчавый заметно волновался. – Не было такого указания, чтобы закупку ограничивать.

– А куда их вам? Солить, что ли?

– Тактика нужна, Сеня, – поучительно сказал курчавый. – Тактика.

Из кабинета вышли.

Курчавый еще раз поправил гимнастерку, вошел в кабинет...

И тотчас вышел обратно. Достал из кармана блокнот, вырвал чистый лист, пошел в угол, к урне. Сеня с недоумением смотрел на него. Когда он чего-нибудь не понимал, он чуть приоткрывал рот. Курчавый склонился и стал вытирать грязные сапоги.

Сеня хихикнул.

– Ну что?.. Сказал несколько слов? Или не успел?

– Ковров понастелили, – проворчал курчавый. Брезгливо бросил черный комочек в урну.

Усталый гражданин пошевелился на стуле.

– Что, не в духе сегодня? – спросил курчавого (он имел в виду секретаря райкома). Курчавый ничего не сказал.

– Не в духе, – сказал усталый, повернувшись к Сене. – Точно?

– Я сам не в духе, – ответил Сеня.

... – Вот так, – сказал секретарь курчавому. – Так и передай там.

– Ладно. – Курчавый вышел.

Вошел Сеня.

– Здравствуйте, Иван Васильевич.

– Здорово. Садись. Что?

– Прорыв. Один наш охламон залил в картер грязное масло... И, главное, без меня! Она, говорит, у тебя все равно стоит!.. – Сеня даже руками развел.

– Что случилось-то? – Секретарь тряхнул головой. – Короче можно?

– Вал полетел. В результате стоит машина. А запасных нету..

– У меня тоже нету.

– У Сударушкина Макара есть. Но он не дает. И главное, убеждает: нету. А я знаю...

– Так что ты хочешь-то?

– Позвоните Сударушкину, пусть он...

– Сударушкин пошлет меня куда подальше и будет прав.

– Не пошлет! – убежденно сказал Сеня. – Побоится.

– Ну так я сам не хочу звонить. Что вам Сударушкин, снабженец? Докатились, что ни одного вала в запасе нету! Передай своему директору, чтобы он к обеду позвонил мне и доложил: «Вал достали». Я узнаю, будет стоять машина или нет. Все.

– Все понятно. До свиданья. Значит, мы звоним?

– Звоните.

Сеня вышел.

– Великолепно! – Сеня не знал, куда теперь двинуть.

В приемной остался один усталый гражданин. Сидел, не решаясь входить в кабинет.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Пятый угол искали? – вежливо спросил он и улыбнулся.

Сеня грозно глянул на него... И вдруг его осенило: городской вид, а главное, желтый портфель – все это вызывало в воображении Сени чарующую картину склада запчастей... Темные низкие стеллажи, а на них, тускло поблескивая маслом, рядами лежали валы – огромное количество коленчатых валов.

И городской незаметно сует ему пару...

– Слушай, друг!.. – Сеня изобразил на лице небрежность и снисходительность. – У тебя на авторемонтном никого знакомого нету? Пару валов вот так надо. Пол-литра ставлю.

Городской снял со своего плеча Сенину руку.

– Я такими вещами не занимаюсь, товарищ, – сказал он. Потом деловито спросил: – Он сильно злой?

– Кто?

– Секретарь-то?

Сеня посмотрел в глаза городскому и опять увидел стройные ряды коленчатых валов на стеллажах.

– Нет, не очень. Бывает хуже. Иди, я тебя подожду здесь. Иди, не робей.

Городской поднялся, поправил галстук. Прошелся около двери, подумал...

дверь неожиданно распахнулась – на пороге стоял секретарь.

– Здравствуйте, товарищ первый секретарь, – негромко и торопливо заговорил усталый, ибо секретарь собирался уходить. – Я по поводу своей жалобы.

Секретарь не разобрал, по какому поводу.

– Что?

– Насчет жалобы. Она теперь в вашем районе живет и...

– Кто живет в нашем районе?

Усталый досадливо поморщился.

– Я вот здесь подробно, в письменной форме... – Он стал вынимать из портфеля листы бумаги. – Целый «Война и мир», хе-хе...

– Вот тут на улице, за углом, прокуратура, – сказал секретарь, – туда.

– Не в этом дело, товарищ секретарь. Они не поймут... Я уже был там.

Секретарь прислонился спиной к дверному косяку.

– Идите. Там все понимают.

Усталый помолчал и дрожащим от обиды голосом сказал:

– Ну что же, пойдем выше. – Повернулся и пошел на выход совсем в другую сторону. – Все забыли!..

– Не туда, – сказал секретарь. – Вон выход-то!

Усталый вернулся. Проходя мимо секретаря, горько прошептал:

– А кричим: «Коммунизм! Коммунизм!»

Секретарь проводил его взглядом, повернулся к Сене.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Кто это, не знаешь?

Сеня пожал плечами.

– А ты чего стоишь тут?

– Уже пошел, все.

Грустный грустно шагая серединой улицы – большой, солидный. Круглая большая голова его сияла на солнце.

Сеня догнал его.

– Разволновался? – спросил он.

– Заелся ваш секретарь-то, – сказал грустный, глядя перед собой. – Заелся.

– Он зашился, а не заелся. Погода вот-вот испортится, а хлеб еще весь на полях. Трудно.

– Веем трудно, – сказал грустный. – У вас чайная где?

– Вот, рядом.

– Заелся, заелся ваш секретарь, – еще раз сказал грустный. – Трудно, конечно, такая власть в руках – редко кто не заестся.

– Ты из города?

– Да.

– У тебя там на авторемонтном никого знакомого нету?

– А что?

– Пару валов надо...

– Волов?

– Валов. Коленчатых.

Грустный человек грустно посмеялся.

– Мне послышалось: волов. Надо подумать..

– Подумай, а?

Подошли тем временем к чайной. Вошли в зал. Грустный сказал:

– Сейчас... Сделаем небольшой забег – что-нибудь сообразим.

– Какой забег?

– В ширину.

Сеня не понял. Грустный опять посмеялся.

– Ну, выпьем по сто пятьдесят... Выражение такое есть. – Он грузно опустился на стул, портфель поставил на стол. – Садись.

– Слушай, тут же нет по сто пятьдесят.

– Как?

– Не продают.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Тыфу!.. демократия!

– Красного можно.

– Ну, возьми хоть красного. На деньги.

Сеня принес бутылку вина, стакан.

– А себе стакан?

– Мы же в город поедем. На мотоцикле же. Как я поведу-то?

– А, валы-то... – Грустный налил полный стакан, выпил, перекосился. – Ну и гадость!.. Чего только не наделают. – Налил еще полстакана и еще выпил. – От так.

Закурили.

– Валы, говоришь?

– Валы.

– Прямо хоть караул кричи?

– Точно. Погода стоит...

– Мне бы ваши заботы... А на кой они тебе сдались, эти валы?

– Я же тебе объяснял: полетел...

– Нет, я про тебя говорю. Машина-то чья?

– Моя.

– Личная?

– Какая личная!..

– А, государственная?

– Ну.

– А почему тебе жарко?

– Так я же на ней работаю!

– А ты не работай. Нет валов – загорай. У них же все есть – пусть достанут. Они же самые богатые в мире. Они вообще самые свободолюбивые. Законов понаписали – во! – Грустный показал рукой высоко над полом. – А все без толку. Что хотят, то делают.

Сеня оглянулся в зал.

– Чего ты орешь-то?

– Братство! Равенство!.. – Грустного неудержимо повело. Он еще выпил полстакана.
– Они на «Волгах» разъезжают, а мы вкалываем – равенство.

Сене было нехорошо. Он не знал, что делать.

– Брось ты, слушай, чего ты развязался-то? Поедем за валами.

– Вот им, а не валы! Пусть они на своих законах ездят. Я им покажу валы... – Грустный вылил остатки в стакан, выпил. – Пусть они – петушком, петушком... Пошли их к...

– Да мне нужны валы-то, мне-е! – Сеня для убедительности постучал себя пальцем в грудь.

– Вот им – принципиально! – Грустный показал фигу.

– Значит, не поедем?

– Нема дурных, как говорил...

– Что же ты мне, гад, голову морочил? Я счас возьму бутылку, как дам по твоей люстре, чтоб ты у меня рабочее время не отнимал. Трепач.

– Потише, молодой человек. Сопляк. Разговаривать научились! Еще гадом обзываешься... Я тебе найду место. Надо честно работать, а не махинациями заниматься! – Грустный явно хотел привлечь внимание тех немногих посетителей, которые были в зале. – А я на махинации не пойду!

Сеня оглянулся – никого знакомых мужиков не было. А одному такую глыбу не свалить. Это, видно, понял и грустный, и это его приободрило.

– Щенок еще, а уже махинациями занимаешься! Химишишь уже... Я вот отведу сейчас в одно место, там тебе покажут валы.

– Вот сука! – удивился Сеня. И хотел было уже идти. И увидел, как в чайную вошел Микола... Повернулся к грустному и коротко и властно скомандовал: – Встать!

Теперь удивился грустный. Маленькие его глаза вовсе сошлись у переносья.

– Что-о?..

– Микола! – позвал Сеня. – Иди-ка сюда, тут твои поршня требуются.

Огромный грязный Микола пошел к столику...

Грустный трухнул.

– Чего? – спросил Микола.

– Шпион, – показал Сеня на лысого. – Счас мы его ловить будем. Встать!

– Брось дурить-то...

– Микола, ты бери портфель – там факты лежат, – а я буду его окружать. – Сеня двинулся «окружать».

Лысый взял портфель и пошел из чайной.

– Хулиганье, черти.

Сеня провожал его до двери. У двери дал ему хромой ногой пинка под зад.

– От-тюшеньки мои!

Лысый оглянулся во гневе...

– От так!.. по мягкой по твоей! – Сеня еще разок достал лысого. – Микола, иди, тут с моей ногой ничего не сделаешь – она у него как перина. Тут кувалду надо...

Лысый плюнул и ушел от греха подальше.

Все сидевшие в зале с интересом и любопытством наблюдали за этой сценой.

Сеня вернулся к столику, где стоял Микола.

– Ты что делаешь-то? С ума, что ли, сошел?

– Посулил, гад такой, вал достать, а сам обманул.

– Какой вал?

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Коленчатый. У нас вал полетел, а запасного нету. У вас нету?

– Что ты!..

– Хоть матушку-репку пой. К Макару, что ли, еще съездить...

– А что это за человек-то был?

– А хрен его знает.

– Так он же тебя счас посадит.

– Не посадит. А в «Заре» нет запасных, не знаешь?

– Ты лучше иди отсюда, он счас с милиционером придет.

Сеня посмотрел в окно, потом на Миколу.

– Да? Вообще-то лучше, конечно, без приключений... – И Сеня скоренько похромал из чайной.

Микола подошел к стойке, посмотрел меню...

Задумался, посмотрел в окно и тоже пошел из чайной.

– Еще в свидетели счас запишут, – сказал он буфетчице на прощание.

...Только к вечеру Сеня добыл вал. Но теперь у него стал мотоцикл. Сеня, грязный по уши, копался в нем.

...Микола издалека узнал знакомую маленькую фигурку на дороге. Подъехал, остановился.

– Чего у тебя?

– Прокладку пробило... Зараза. Весь изматерился.

Микола подошел, тоже склонился к мотоциклу.

– Вроде сделаю, начну заводить – чихает пару раз и глохнет.

Микола внимательно исследовал неполадку... Покачал головой.

– Надо новую.

– Надо... Курево есть?

– Есть.

– Давай перекурим это дело.

Микола, вынимая из кармана папиросы, увидел коленчатый вал.

– Достал?

– Достал. Новенький. Если теперь кто сунется еще раз к моей машине, стрелять буду.

– А где достал?

– Тайна, папаша, покрытая мраком.

– Трепло.

– Там больше все равно нету.

...Сидели, курили.

Мимо, по тракту шли и шли машины, груженные хлебом.

Навстречу ехали пустые. А когда машин не было, слышно было, как в сухом теплом воздухе стрекочут кузнечики и заливаются вверху невидимые жаворонки.

Поле за трактом было уже убрано; земля отдыхала от гула машин и тучной ноши своей – хлеба. Только одинокие свежие скирды соломы золотились под солнцем.

Парни смотрели вдаль, думая каждый о своем.

– По двадцать семь на круг выходит, – сказал Микола. – Такой – даже у нас редко бывал.

Сеня взял с земли какой-то плоский предмет, обернутый тряпкой... Развернул тряпку, показал – патефонная пластинка.

– В районе купил. – Сеня прищурил глаза, прочитал: – Рада Волшанинова. «Уйди». «Когда душа полна» – в скобках. Нет, вот эта: «Не уезжай ты, мой голубчик». Тоже Рада. Братке везу, пусть послушает. Тонкий намек...

Микола глянул на Сеню... Поднялся, задавил каблуком окурок.

– Нужны ему твои... голубчики, как собаке пятая нога.

– Ничего говорить не буду, заведу молчком и сяду. Вот поет, слушай... Я давеча в раймаге чуть не заплакал. давай забросим к тебе мотоцикл, а то я тут ночевать буду. Бери его... – Сеня завернул пластинку, взял коленчатый вал и понес в кабину.

Микола повел мотоцикл к задку кузова.

Вместе забросили мотоцикл в кузов.

Поехали.

Сеня положил пластинку в багажничек. Вал держал в руках, как ребенка.

Некоторое время молчали.

Иван курил, сидя на кровати.

Валя подошла к нему.

– Встань-ка, я застелю.

Иван поднялся... Оказались друг против друга. Близко. Иван засмотрелся в ее чистые, чуть строгие от смущения глаза...

– Сватать меня вчера приходили, – тихо сказала Валя.

Иван молчал.

– Что же не спросишь – кто?

– Я догадываюсь.

– Ну? – требовательно и нетерпеливо спросила она.

– Что?

– Что же не спросишь, чем кончилось-то? Сватовство-то.

– Я знаю.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Господи!.. Все-то он знает. Какой ведь еще... Чем?
- Отказом.
- Отказом... Легко сказать: мне их жалко обоих. Сеньку даже жальчее.

Помолчали.

- Почему ж ты молчишь-то как каменный?
- Потому что мне тоже жалко.
- А меня так вот никому не жалко!.. Или ты это – из жалости?

Иван повернул ее лицом к себе.

Валя быстро смахнула ладошкой слезу.

- Господи... так скоро и такой дорогой стал. – Валя сняла у него с подбородка табачинку, прижалась горячей ладошкой к заросшей щеке, погладила. – Колючий...

Иван обнял ее, прижал к груди. Долго стояли так.

- Валя, Валя... Мне кажется, я сумку отнимаю у нищего на дороге.
- Ты про Сеню?
- Про Сеню и про...
- Ну а что же мне-то делать, Ваня, голубчик? Мне ведь тоже любить охота. Кто же любить не хочет?
- Все хотят, – согласился Иван.
- Если бы я пожила-пожила да снова родилась – тогда можно и так как-нибудь. А снова-то не родишься.
- Тоже верно. Все понимаешь.
- Господи, я вообще все понимаю! Мне, дуре, надо было мужиком родиться, а я вот...
- Не жалей.
- Как не жалеть! Были бы у нас права одинаковые с вами, а то...
- Что?
- Вам все можно, а наше дело – сиди скромничай.
- Что – «все»-то?
- Да все! Захотел парень подойти к девке – подходит. Захотел жениться – идет сватает. А тут сиди выжидай...

Иван крепко поцеловал ее.

- Чего глаза-то закрыла?
- Совестно... И хорошо. Как с обрыва шагнула: думала – разобьюсь, а взяла – полетела. Как сон какой...

Иван поцеловал ее в закрытые глаза.

- Теперь смотри...

Когда он ее целовал, вошел Сеня... Мгновение стоял, пораженный увиденным, потом повернулся и хотел выйти незамеченным. Но споткнулся о порог... В этот момент его

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru увидел Иван. Валя ничего не видела, не слышала. Открыла глаза, счастливая, и ее удивило, как изменился в лице Иван.

– Ты что?

Иван прижал ее, погладил по голове.

– Ничего. Ничего.

– Ты как-то изменился...

– Ничего, ничего. Так.

Сеня загремел в сенях, закашлял.

– Сеня идет.

Валя отошла к столу, принялась готовить.

– Как раз к ухе-то. Он ее любит. Сейчас – страда, некогда, а то все время на речке пропадает.

Вошел Сеня. Улыбчивый.

– Привет!

– Здравствуй, Сеня! Как раз ты к ухе своей любимой подоспел.

– Так я ведь... Где только не подоспею! – Сеня мельком глянул на Ивана, проверяя: видел тот его, как он выходил из избы? Иван ничем себя не выдал – сидел как всегда спокойный. Он боролся с собой как мог – горько было. – Ходил удить?

– Посидел маленько. Плохо клюет.

– Э-э, это уметь надо! Мы вот с дядей Емельяном всегда ходим и сидим на одном месте – он нарочно подсаживается... И что ты думаешь? Я не успеваю дергать, а он только матерится. А я и сам не знаю, как у меня получается. Иной раз и не хочешь, а смотришь – клюет.

Иван кивнул головой, поддакнул:

– Бывает. Что это у тебя?

Сеня положил пластинку, достал патефон, завел.

– Ты чего это, Сень? – спросила Валя.

– Пластинку одну купил... Услышал давеча в раймаге – потянулось...

Иван, когда Сеня сутился с патефоном, смотрел на него.

И ему нелегко было. Только Вале было легко и хорошо.

– Какую пластинку-то?

– Вот... слушай.

Не уезжай ты, мой голубчик,
Печально жить мне без тебя;
дай на прощанье обещанье,
Что не забудешь ты меня.

Цыганистый с надрывом голос больно ударил по трем потревоженным сердцам. Троє, притихнув, внимательно слушали.

Скажи ты мне, скажи ты мне,
Что любишь меня.

Что любишь меня.

Скажи ты мне, скажи ты мне,

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Что любишь ты меня... –
стонал, молил голос.

Сеня, пытаясь унять боль и волнение, хмурился, шваркал носом. Ни на кого не смотрел.

Валя повлажневшими глазами открыто смотрела на Ивана.

Иван курил, тоже слегка хмурился, смотрел вниз как виноватый.

Когда порой тебя не вижу,
Грустна, задумчива сижу;
Когда речей твоих не слышу,
Мне кажется – я не живу.
Слушают...

Сеня...

Иван...

Валя...

Скажи ты мне, скажи ты мне,
Что любишь меня.

Что любишь меня.

Скажи ты мне, скажи ты мне,

Что любишь ты меня.

«Она» допела... Сене невмоготу было оставаться здесь еще. Он вскочил, глянул на часы...

– Я ж опаздываю! Елкина мать, у меня же дел полно еще!

– Уху-то, – сказала Валя.

– Не хочу, – сказал на ходу Сеня и вышел не оглянувшись.

– Хорошая песня, – похвалила Валя. – Душевная.

Иван встал с места, принялся ходить по избе.

– Сенька все видел.

Валя резко обернулась к нему... Ждала, что он еще скажет.

– Ну? Что дальше?

– Все. Отнял все-таки сумку-то... Встретил на дороге и отнял. Среди бела дня.

– Так... – Валя села на стул, положила руки на колени. – Жалко?

– Жалко.

– Что же теперь делать-то? Ограбил нищих – ни стыда ни совести, теперь хватай меня, догоняй этих нищих и отдавай обратно. – Валя насмешливо и недобро прищурила глаза. – А как же?

Иван остановился перед ней. Тоже резковато заговорил:

– А усмешка вот эта... она ни к чему! Больно мне, ты можешь понять?

– Нет, не могу. Ты куда приехал-то? К нищим, к темным... И хочешь, чтоб его тут понимали. Не поймем мы.

– Ну, и к черту все! – Иван обозлился. – И нечего толковать. Вас, я вижу, не тронь здесь: «Мы темные, такие-сякие»...

– Да не мы, а ты нас сюда жалеть-то приехал, болеть за нас.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Значит, уехать надо!

– Уезжай, правильно. А то мы тут с жалобами полезли со всех сторон... с любовью. Обрадовались.

– Перестань так говорить! – резко сказал Иван. – Если не понимаешь, слушай, что другие говорят.

– Вот теперь понятно. – Валя встала, подошла к рукомойнику, сполоснула руки, вытерла их... И вышла.

Иван сел к столу, склонился на руки... Болезненно сморщился, скрипнул зубами.

– Ммх...

Встал, начал ходить.

Сеня пришел на берег родной своей бурной реки.

Река здесь врывалась в теснину, кипела, катила крутую волну. Купались в ней редко – холодно и опасно.

Неподалеку от деревни находился санаторий – белел издали поместьем.

Дул ветерок, похоже, нагоняло дождя. Река была вовсе неприветлива...

На берегу собирались туристы, отдыхающие... Смотрели на реку, бросали ей в рассерженную морду палки. Кто-то, глядя на эти палки, обнаружил такую закономерность:

– Смотри, чем дальше палка от берега, тем дальше ее не выбрасывает.

– Да.

– Простите, сэр, – это велосипед.

– Почему?

– Это давно известно. Корабли в шторм стараются уйти подальше от берега.

– Я думал не о законе как таковом, а о том, что это... похоже на людей.

– Сильные идут дальше. В результате: в шторм... в житейский, так сказать, шторм выживают наиболее сильные – кто дальше отгребется.

– Это слишком умно...

– Это слишком неверно, чтобы быть умным.

– Почему?

– Вопрос: как оказаться подальше от берега?

– Я же и говорю: наиболее сильные...

– А может быть так: наиболее хитрые?

– Это другое дело. Возможно...

– Ничего не другое. Есть задача: как выжить в житейский шторм? И есть решение ее: выживают наиболее «легкие» – любой ценой. Можно за баркас зацепиться...

– Это по чьему-то опыту, что ли?

– По опыту сильных.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я имел в виду другую силу – настоящую.

– Важен результат...

В этот момент Сеня появился на берегу.

– Освежиться, что ли, малость! – сказал он.

– Куда вы? – удивились очкарики. – Вы же простишите! Вода – пять градусов.

– Простишите...

Сенька даже не посмотрел на очкариков. (Там была девушка среди них, Сеня на них на всех обиделся.) Снял рубаху, штаны... Поднял большой камень, покидал с руки на руку – для разминки. Бросил камень, сделал несколько приседаний и похромал волнам навстречу. Очкарики смотрели на него.

– Остановите его, он же захлебнется! – вырвалось у девушки. (девушка еще и в штанах, черт бы их побрал с этими штанами. Моду взяли!)

– Здешний, наверно.

– По-моему, он к своим тридцати шести добавил еще сорок градусов.

Сенька взмахнул руками, крикнул:

– Эх, роднуля! – И нырнул в «набежавшую волну». И поплыл. Плыл саженками, красиво, пожалуй, слишком красиво – нерасчетливо. Плыл и плыл, орал, когда на него катилась волна:

– Давай!

Подныривал под волну, высакивал и опять орал:

– Хорошо! Давай еще!..

– Сибиряк, – сказали на берегу – Все нипочем.

– Верных семьдесят шесть градусов.

– ...давай! – орал Сеня. – Роднуля!

Но тут «роднуля» подмахнула высокую крутую волну... Сеня хлебнул раз, другой, закашлялся... А «роднуля» все накатывала, все била наглеца. Сеня закрутился на месте, стараясь высунуть голову повыше. «Роднуля» била и била его холодными мягкими лапами, толкала вглубь...

– ...сы-ы! – донеслось на берег. – Тру-у-сы спали-и!.. Тону!

Очкарики заволновались.

– Он серьезно, что ли?

– Он же тонет, ребята!

– Э-эй! Ты серьезно, что ли?!

– Да серьезно, какого черта!..

– ...у-у – орал Сенька. Он серьезно тонул. Видно было, как он опять хлебнул... Скрылся под водой, но опять выкарабкался. Но больше уже не орал.

– Лодку! Лодку!.. – забегали на берегу. – Эй, держись!

Побежали к лодке, что лежала метрах в ста отсюда и далеко от воды. Но кто-то разглядел:

– Она примкнута к коряге.

– Черт, утонет ведь! Еще хлебнет пару раз...

– Ребята, ну что же вы?! – чуть не плакала девушка в штанишках.

Голова Сеньки поплавком качалась в волнах, скрывалась из виду; опять появлялась... И руками он теперь взмахивал реже.

– Ребята, ну что вы?!

Двое очкариков начали торопливо сбрасывать с себя одежду. Вот скинул один, прыгнул в воду, ойкнул и сильно погреб к Сеньке. И второй прыгнул в воду и стал догонять первого.

– Эй, держись! Держи-ись! – кричала девушка и махала зачем-то руками. – Ребята, они успеют?

– Успеют.

– Вот фраер-то!..

– Зачем он полез-то!

– Семьдесят шесть градусов, Николай верно говорил.

– Трапач-то!.. Хоть бы успели.

– Мне эти сильные!.. Сибиряки. Куда полез? Зачем?

– Ребята, успеют или нет? Где он, ребята?!

Ребята только-только успели: поймали Сеню за волосы и погребли к берегу.

Сеня наглотался изрядно. Очкарики начали делать ему искусственное дыхание по всем правилам где-то когда-то усвоенной науки спасения утопающих: подложили Сене под поясницу кругляш, болтали бесчувственными Сенинными руками, давили на живот... Сеня был без трусов, девушка издали спрашивала, отвернувшись от компании:

– Ребята, вам теперь медали дадут, да?

Те, что возились с Сеней, захихикали.

– Ирочка, без трусов не считается.

– Как не считается?

– Если вытащили утопающего, но он без трусов, то не считается, что спасли. Надо достать трусы, тогда дадут медаль.

– Ира, иди подержи голову.

– Да ну, какие-то!..

Сеня стал подавать признаки жизни. Открыл глаза, замычал... Потом его стало рвать водой и корежить. Рвало долго. Сеня устал. Закрыл глаза. Потом вдруг – то ли вспомнил, то ли почувствовал, что он без трусов, – вскочил, схватился... там, где носят трусы... Очкарики засмеялись. Сеня – бегом по камням, прикрывая руками стыд, – побежал к своей одежде, схватил, еще три-четыре прыжка – и он скрылся в кустах. И больше не появлялся.

– Вот теперь и выпить полагается!

– Зря он сбежал! – сокрушались. – Лютенко нахмурится: «В честь чего выпивка?» – «Спасли утопающего». Не поверит. Скажет, выдумали. Ира, подтвердишь?

– Если вам не полагаются медали, то и выпивка не полагается. Я против.

Сеня между тем пришел в магазин. Продавщица была молодая. Сеня оглянулся, спросил продавщицу негромко:

- Здесь бумажник никто не находил?
- Какой бумажник?
- Кожаный... в нем пятнадцать отделений.
- Твой, что ли?
- Не имеет значения. Никто не поднимал?
- Нет. А что там было?
- Деньги.
- Твои, что ли?
- Не имеет значения.
- Много денег?
- Три тысячи.
- Новых?!
- Новых... Новеньких. Никто не поднимал?

Тут только сообразила продавщица, что Сеня ее разыгрывает.

– Господи!.. Сенька, заикой сделаешь так. Да ведь как серьезно, черт такой! Ты хоть раз в глаза видел такие деньги?

Сеня криво улыбнулся.

– Хочешь, я тебе сейчас... Ну ладно. Замнем для ясности. дай бутылку. – Сеню всего тряслось – замерз.

- Чего «я сейчас»?
- Ладно, ладно. Давай бутылку и помалкивай. Я про деньги не спрашивал.
- Женился бы ты, чудак-человек, – с искренним сочувствием сказала продавщица. – Женившись – заботы пойдут, некогда выдумывать-то будет что попало...
- Ладно, ладно, – сказал Сеня, не попадая зуб на зуб. Еще раз предупредил продавщицу: – Имей в виду: я про деньги не спрашивал. Если кто найдет, станут тебе отдавать – ты ничего не знаешь, чьи они.
- Ладно, Сеня, не скажу. Только ведь не отдадут.
- Как?
- А то не знаешь – как? Найдут и промолчат. Три тысячи – это дом крестовый, какой же дурак отдаст. Присвоют, и все.
- На всякий случай: ты ничего не знаешь. Они – фальшивые.

...Пришел Сеня поздно. Заметно выпивши.

- А где... она?
- Что ж ты один? Прихватил бы сюда – вместе бы выпили.
- ...А она ушла?

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ушла.

– Почему? Почему она ушла?

– Завтра поеду.

– Почему?

– Ты что, так уж пьян, что ли? Заладил, как попугай: «Почему? Почему?»
Когда-никогда надо ехать.

– Надо?

– Тьфу!...

– Не сердись, братка. Правда, маленько выпил. Но ведь... ладно. Теперь слушай
меня: не торопись. Поживи еще маленько... Никуда твой город не денется.

– Не могу.

– Можешь. Я знаю, почему ты заторопился. Ну, вот слушай: женись на ней. Если у
тебя такие дела с семьей – женись. Лучше ее тебе нигде не найти. Это я тебе не
пьяный говорю. Я для того и выпил, чтобы сказать. Если смущает, что я тут со
своей... с этой... с любовью, то не обращай внимания. Я тут пришел-пристебай,
никогда она за меня не пойдет, мы все это прекрасно понимаем. А и пойдет, то что
я с ней буду делать, с такой? За тебя пойдет. Кладу голову на отсечение: лучше
ее ни в жизнь не найти. Ваня, братка, я рад буду: женись на ней. Живите здесь. Я
найду себе!.. Их тут навалом. Дом поставишь, семья будет... Ты же крестьянин,
Ваня, как ты можешь так легко уехать? Тут не Мамай прошел... Тут твои руки нужны,
голова твоя умная. Разве ты не понимаешь? Ты привык там, я знаю... Отвыкни. Трудно
же без вас, черти! Мы справимся, урожай уберем, все сделаем... не то делали. –
Сеня крепко зажмурился, тряхнул головой. – Не в этом дело. Вот ты говоришь:
«Пусто». А что, мы не видим, что ли? Что, нам неохота, чтоб тут народу
кишмя-кишело, чтоб гармошки орали по ночам, девки пели, чтоб праздники были,
гуляли бы, на покос собирались? Помнишь, говоришь, покос-то? – Сеня помолчал. –
Тоже люблю... Ребятишек бы своих косить учили. Помнишь, отец учил: «На пятку жми,
сукин сын!» А про меня ты не думай, не жалей меня. Жалеть будешь – мне обидно
станет. Это мне тебя жалко, но я молчал. А сейчас – раз уж пошел такой разговор
– говорю: жалко и удивительно. Как только у тебя сердце терпит? Эхх, – вздохнул
Сеня, – братка милый мой...

– А знаешь, какой дом можно сделать? – сказал вдруг Иван. – двухэтажный. Сейчас
мода – двухэтажные. Красиво, я видел. Мне один раз даже во сне такой приснился...

– Да зачем он, поди, двухэтажный-то?

– Да что ты?! – заволновался Иван. – Знаешь, как удобно! Вот, смотри как: низ –
как обычный пятистенок, так? Но кладовка и сенцы не пристраиваются, а – в срубе.
Так?

– А крыша как? флигелем?

– Нет, кругом. Теперь смотри: на втором этаже – где кладовка и сенцы – пойдет
веранда. Причем ее можно пропустить и с торца – под окнами, балкон такой...

– А крышу – свесить, – подхватил Сеня. – А?

– Но!

Сеня снялся с места и заходил по избе.

– Знаешь, где его можно поставить? На берегу, где Змеиный лужок-то выходит... Где
кузня-то была! Знаешь?

– Знаю.

– А баню прямо на берегу поставить...

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- А с кручи спустить трос...
- Для чего?
- Воду доставать. Ворот, колесо какое-нибудь – и мотай.
- Да там и принести не так уж высоко.
- Да на кой черт носить, если можно приспособление сделать?
- Ну да, – согласился Сеня. – А то жена беременная будет, ей тяжело будет.

При упоминании о «жене» оба как бы спохватились, замялись. Помолчали малость и выправились.

- Еще я бы полати сделал в избе, – сказал Сеня. – Черт ее знает что – люблю полати!
- Помнишь, как мы на полатях спали?
- Помню. Но полати – это... Ну, можно и полати. А что баню – на самом обрыве, – это хорошо.
- Как хорошо-то! Я люблю, когда моешься, чтоб из окошечка далеко видно было. А еще лучше, когда в окошечке видно, как солнышко закатывается...
- А дома самовар стоит.
- А жена выйдет на крыльце: «Сенька, ты ничего там?»
- Помнишь, мама все выходила: «Ванька, вы ничего там? Не угорели?!» Эх, братка...
- Вот пойди такая жизнь, я согласный по пятнадцать часов в день работать – и ни разу не пожалуюсь. А в субботу – под воскресенье – поплыли бы лучить. Ох, я знаю одно место-о! В субботу завестись пораньше да хорошего смолья успеть заготовить – хоть до утра рыбачь...
- Любишь лучить?
- Нет, я лучше с удочкой уважаю.
- Верно, я тоже больше с удочкой люблю. Культурней как-то. Хощь, книжку возьми, возьми одеяло, раскинь на бережку – так поваляйся, благодать. А детишки пойдут! Детишек с собой взять.

Иван качнулся головой. И задумался.

Сеня, чтоб не спугнуть его хорошие думы, чтобы его так и оставил с этими думами, поспешил сказать:

- Давай-ка сосновом пока, братка. Верно говорят: утро вечера мудренее.
- Пойдем на сеновал спать, – предложил Иван.
- Пошли, – охотно согласился младший брат.

Они вынесли одеяла, подушки и устроились спать на сеновале в сарае.

Только оба долго не могли заснуть – глядели сквозь щели сарая в большую лунную ночь. Молчали.

Утром, чуть свет, когда Сеня еще спал, Иван осторожно поднялся... Осторожно прокралился по сараю...

Вошел в избу.

Брат мой... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru достал из-под кровати свой маленький чемоданишко, с каким приехал... Открыл его: там кое-какие подарки, которые он привез отцу и Сене, - пара рубах, зажигалка Сене, шарфик какой-то... Иван все это выложил на кровать, взял чемодан, постоял с ним...

Присел перед дорогой на кровать, посидел, встал и пошел.

И вышел из избы.

Оглянулся на сарай, на избу...

И решительно пошагал прочь.

На улицах деревни никого не было.

Только из ограды Ковалевых вышел отец Вали... Иван, увидев его, хотел было свернуть в переулок, но уже поздно было.

Поздоровались.

- Поехал? - спросил старик.

- Надо, - ответил Иван.

- Закури на дорожку, - предложил старик. - Подмешал вчера доннику в табак - ничо, скусный стал.

Закурили.

- Тут машины ходят счас?

- Машин полно, - сказал старик. - Хлеб круглые сутки возят. Все на вокзал едут.

Постояли. Говорить больше не о чем было.

- Ну, счастливо доехать тебе, - молвил старик.

- До свиданья, - сказал Иван.

И разошлись.

Иван удалялся по улице. Потом свернул с улицы в сторону большака. И пропал из виду.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!